

Об истоках российского консерватизма

Уважаемые коллеги, в своем сообщении я не могу охватить всего объема истории российского консерватизма и тем более консерватизма вообще. Я намерена остановиться на тех мыслителях-консерваторах, которые и по сей день вызывают споры, но тем не менее остаются столпами консерватизма.

Консерватизм – это общественно-политическое течение, основоположником которого является английский мыслитель и общественный деятель Эдмунд Бёрк. Бёрк изложил свои взгляды в книге «Размышления о Французской революции». Книга не утратила актуальности и по сей день. Она стала ответом на события, которые всколыхнули Европу, бросили вызов уходящей эпохе.

Почему большинство философов считают Бёрка основоположником консерватизма? Потому что ядром его воззрений стал традиционализм. По Бёрку, соблюдать традиции означает существовать в соответствии с естественным ходом вещей, который, безусловно, сопрягается с изменениями. Он считал, что только постепенная эволюция сочетается с принципом сохранения, и очень резко высказывался о пренебрежении традиционными ценностями, которое как раз и привело французское общество к радикализму, к той страшной революции, которую Бёрк критиковал всегда. Его политическое и социальное учение зиждется на христианском мировоззрении, хотя сам Бёрк никогда не подчеркивал, не акцентировал свое религиозное «я». Многие философы полагают, что на него оказало огромное влияние творчество Фомы Аквинского, который считал, что вся жизнь во Вселенной подчинена установленному свыше универсальному закону, действующему как в природе, так и в обществе. И когда Бёрк рассуждает о государстве, он, несомненно, опирается на Фому Аквинского. В его философии приоритет государства над интересами личности очевиден. Бёрк высказывает убежденность, что действия индивидуума могут увенчаться успехом только в одном случае – когда они не противоречат объективному и заданному свыше ходу вещей. Соответственно постичь установленные свыше закономерности жизни человеку в полной мере не дано, но получить общее представление о принципах бытия – реально и необходимо. И здесь Бёрк говорит о коллективном разуме народа. Он полагает, что поколение за поколением нации накапливают знания, воплощают их в традициях и нравах. Наследие всех поколений и каждого в отдельности нужно хранить и оберегать.

Эта мысль прямо противоположна либеральной идее Просвещения о том, что следует заключить так называемый общественный договор, согласно которому в результате целенаправленных усилий отдельных индивидуумов можно заложить основы нового общества и нового государства. По Бёрку же, государство – это достояние всех поколений его граждан. Он отстаивает преемственность в политике и в экономике, отвергая критерий разумности, выдвинутый мыслителями Просвещения для оценки всех социальных явлений. Бёрк никоим образом не отвергал возможность реформ – но каждая реформа, по его мнению, должна носить сугубо частный и прагматический характер. Бёрк никогда не идеализировал государственный строй старой Франции, называл ее плохо упорядоченной монархией, но при этом полагал, что французы напрасно пошли на ниспровержение государства, а не по пути постепенных реформ. Он считал французскую революцию первой в истории человечества попыткой переустройства социальной действительности по абстрактной философской схеме. Таких попыток, как известно, будет не одна. Бёрк говорил: вот вы создали якобинскую республику, она полностью отвечает вашим философским представлениям; я вижу прямую связь между вашей утопической идеологией и теми принципами, которые вы навязываете гражданам. Для того чтобы ваша якобинская структура существовала, вы прибегаете к революционному насилию, а условием существования вашего государства являются тотальный контроль и жестокость. Пройдут годы, и следующая попытка новых якобинцев окажется столь же трагической.

Итак: традиции, приоритет государственных интересов, прагматизм, здравый смысл, постепенность, осторожность процесса социальных изменений, преемственность в развитии, историческое единство прошлого, настоящего и будущего – вот те основы, которые Бёрк заложил и на которых в XIX веке был возведен комплекс классических консервативных идей и ценностей.

Теперь обратимся к российской истории. Опираясь на выводы и достижения Бёрка, российские мыслители сыграли важную роль в становлении философии консерватизма. Российский консерватизм проявился прежде всего в стремлении нашего общества осмыслить то, что произошло в период правления Петра I, в результате его реформ, а также то, что произошло в первый период правления Александра I. Постоянным мотивом отечественной общественно-политической мысли оставалось осмысление самобытности пути России. Русских мыслителей волновала и судьба Русской православной церкви – после окончания наполеоновских войн и деклараций учрежденного тогда Священного союза о создании общего христианского государства. Всё это следовало осмыслить. Масштабы вызовов были очень серьезны – они порождали консервативную реакцию, стремление защитить традиционные ценности. Главными ценностями были православие, централизованное государство и имперский патриотизм.

В первые десятилетия XIX века главную роль в становлении русско-го консерватизма сыграл выдающийся историк и общественный деятель Николай Михайлович Карамзин. Среди его неблизкого окружения – людей, которые с ним пересекались, – были также Александр Семенович

Шишков и Сергей Николаевич Глинка. Автор знаменитой «Истории государства Российского», автор знаменитой «Записки о древней и новой России», он всю свою жизнь посвятил изучению самобытности нашего государства. Если в какой-то точке мира возникает философский и исторический спор о роли России в мировой цивилизации, спор на тему «Россия и Запад», там незримо присутствует тень Николая Михайловича Карамзина. Начав полемизировать со Сперанским, он определил основы охранительного течения отечественной консервативной мысли. Что он под этим понимал? Противостояние российского государства революционному натиску; священность гражданского порядка даже в самых местных и случайных его недостатках; власть есть для народа не тиранство, а защита от тиранства. Часто цитируют слова Карамзина о том, что «самое турецкое правление лучше анархии, которая всегда бывает следствием государственных потрясений». Это из его статьи в «Вестнике Европы».

Как известно, с 1802 года Карамзин становится издателем этого журнала, ставшего заметным явлением российской общественной жизни. Николай Михайлович выступал в нем в роли публициста, редактора, писателя и международного обозревателя. Он резко критиковал подражательство Западу, и следующая его цитата также осталась в истории: «Народ унижается, когда для воспитания имеет нужду в чужом разуме». Для него вся система государственных общественных институтов является только изливанием монаршей власти. Для него совестью самодержавия есть и будет Русская православная церковь.

Для меня как для историка очень важно, что именно Карамзин подчеркивал: нравственным ориентиром Русская церковь была как в стабильные, так и в смутные времена. Про смутные времена так всегда и писали, а вот то, что в стабильные она остается таким ориентиром, – это первым констатировал именно Николай Михайлович Карамзин. Для него вера является основной и особенной силой Российского государства.

Безусловно, православие оказывает решающее влияние на становление российского консерватизма. Если было бы достаточно времени, я говорила бы о митрополите Иннокентии (Смирнове), о митрополите Серафиме (Глаголевском), об архимандрите Фотии (Спасском) и, конечно, о тогда еще архимандрите, а впоследствии митрополите Московском Филарете (Дроздове). Весь XIX век России связан с митрополитом Филаретом. К концу его земной жизни в 1867 году не было ни одного чиновника в стране, не исключая и дипломатического корпуса, который не приехал бы в Лавру к Филарету, чтобы поговорить со святителем и попросить его благословения на то или иное деяние. Это был удивительный человек. К слову сказать, Манифест об освобождении крестьян был писан его рукой. Именно эти люди оказывали существенное влияние на императора Александра Павловича во второй период его правления.

Консерватизм и Александр I – казалось бы, какая здесь связь? Александр – первый из русских государей, который задумался о том, что необходима основательная идеология для всего российского общества. Начиная с 1816 года к государю были близки перечисленные выше дея-

тели Церкви, которых мы относим к религиозному крылу российского консерватизма. Именно под их влиянием, особенно архимандрита Фотия, государь принимает решения об отставке обер-прокурора Голицына и о запрещении тайных обществ и масонских лож.

Младший брат Александра I, государь Николай Павлович, с первых дней своего царствования выступает инициатором разработки идеологии, которая позже войдет в историю как государственный консерватизм. В тот момент он сделал правильный выбор – сделал ставку на Сергея Семеновича Уварова, которого все мы знаем как министра народного просвещения Российской империи. Еще в 1818 году Уваров становится президентом Императорской Академии наук и остается им до самой смерти в 1855-м. Он был человеком, который по праву считался одним из самых образованных людей своего времени. С его именем связано то, что мы сегодня называем «теорией официальной народности» с ее знаменитой триадой – православие, самодержавие, народность.

Интересно, что никаких философских трактатов на эту тему Уваров не писал. Его теория развернута в записках и отчетах. Первая записка – 1832 года. Государь попросил его посмотреть внимательнее, как и чем живет Московский университет. А спустя десять лет на торжественном акте десятилетия Министерства просвещения Уваров выступает с большим докладом, где фактически подводит итог формулирования триады. Согласно Уварову, именно православие обеспечивает связь поколений, преемственность традиций: «Без любви к вере предков, народ, как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится (красивая метафора! – *О.В.*) на утрату одного из догматов нашего православия, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова». По Уварову, православие осуществляет прежде всего охранительную функцию – защищает умы от разрушительных, губительных идей, выступает своего рода мировоззренческим островом, ослабление которого может привести народ к падению на низшую моральную ступень в его политическом предназначении. «Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колосс опирается на нем, как на краеугольном камне своего величия», – констатирует Уваров. Он искренне убежден, что любой подданный Российской империи, независимо от социального статуса и образования, осуждает губительность реформирования института самодержавия. Конституционное устройство европейских стран как идеал могут воспринимать лишь те люди, которые не знают Россию с ее нуждами и желаниями. Что же касается народности, то это сложный и противоречивый элемент триады: «Наряду с сими двумя национальными началами, находится и третье, не менее важное, не менее сильное: народность. Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущий; но тот и другой проистекают из одного источника и связуются на каждой странице истории Русского Царства». Суть народности – в единстве народа и государства, которое достигается путем тысячелетнего развития. А все затруднения заключаются только в соглашении древних и новых понятий.

Свою политическую доктрину Уваров выразил такими словами: «Мы, то есть люди девятнадцатого века, в затруднительном положении:

мы живем среди бурь и волнений политических. Народы изменяют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперед. Никто здесь не может предписывать своих законов. Но Россия еще юна, девственна и не должна вкусить, по крайней мере теперь еще, сих кровавых тревог. Надобно продлить ее юность и тем временем воспитать ее. Вот моя политическая система. Я знаю, что хотят наши либералы, наши журналисты и их клеветы: Греч, Полевой, Сенковский и проч. Но им не удастся бросить своих семян на ниву, на которой я сею и которой я состою стражем, – нет, не удастся. Мое дело не только блюсти за просвещением, но и блюсти за духом поколения. Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно». Тут созвучность с Бёрком совершенно очевидна – Уваров, как никто другой, понимал сложность и важность охранения именно от революционных теорий.

Уваровская теория была подхвачена таким ярким человеком, как Михаил Петрович Погодин. Это сложная, неоднозначная фигура. Сын крепостного, выкупившего вольную, с отличием окончил Московскую губернскую гимназию, с золотой медалью – тогдашнее словесное отделение Московского университета, соответствующее будущему историко-филологическому факультету. Погодин был прекрасным знатоком русских летописей. Наверное, никто из историков XIX века не знал их так основательно. Изучая летописи, он приходит к выводу, что ход русской истории отличен от европейской. Впервые он встречается с Уваровым 8 сентября 1832 года на своей лекции в университете. Эта лекция окажет сильное влияние на воззрения Уварова. Погодин констатирует, что у России отсутствуют многие законодательные акты, имеющиеся в Европе. Но всякое постановление должно иметь свое семя, свой корень. Пересаживать чужие растения, как бы они ни были пышны и блистательны, не всегда бывает возможно, а более того – полезно. Российская история, по мнению Погодина, должна сделаться охранительницей, блюстительницей общественного спокойствия. История для него промыслительна. К высокой цели нашу страну ведет перст Божий. Погодин всегда с воодушевлением, и на той лекции в том числе, говорил о великой роли и великом будущем России: «Отразив победоносно такое нападение, освободив Европу от такого врага, низложив его с такой высоты, обладая такими средствами, не нуждаясь ни в ком и нужная всем, может ли чего-нибудь опасаться Россия? Кто осмелится оспаривать ее первенство, кто помешает ей решать судьбу Европы и судьбу всего человечества?».

У Погодина было немало оппонентов – и Николай Иванович Костомаров, и Дмитрий Иванович Иловайский, и Степан Александрович Гедеонов – все они оппонировали ему, уважая при этом его как личность. Острые их критики было направлено на тезис Погодина о «русской своенародности».

Консервативная идеология уберегала Россию от революционных потрясений, которые имели место в Европе. Тогдашняя революционная волна не преодолела российских границ. В 1848 году, после отречения от престола французского короля Луи-Филиппа I и провозглашения Второй республики, другой наш соотечественник – блистательный поэт и дипломат Федор Иванович Тютчев – пишет свое эссе «Россия и рево-

люция». Он убежден, что в мире осталось две силы – это европейская революция и Россия: «Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества». Для поэта революционные движения носят исключительно антихристианский характер. Он убежден, что Россия не воспринимает их в силу своей глубокой веры.

Мне очень хотелось бы разделить взгляды Федора Ивановича Тютчева, но историческая судьба России пошла по иному пути. Вторая половина XIX века трагична и горька. Самая большая армия Европы терпит поражение на своей территории. Я говорю о Крымской войне. И правительство, и общество после поражения в той войне сознавали, что нужно восстановить человеческие и материальные ресурсы, а для этого требуются реформы, главная из которых – освобождение крестьянства, а затем – самоуправление, судебная и военная реформы. Все происходившее тогда не могло не затронуть консервативную мысль российского общества.

Кроме Крымского поражения еще одна беда пришла в Россию. Она ударила по молодежи, прежде всего студенческой. В 1860-х годах получили распространение радикальные идеи, радикальные формы поведения. Нигилизм, зафиксированный Иваном Сергеевичем Тургеневым в романе «Отцы и дети», становится характеристикой той части молодежи, которая требовала разрушения традиционных ценностей. Гуру тогдашней молодежи становится будущий критик и совсем еще юный Дмитрий Писарев. Что говорит этот юноша, этот «властитель дум»? Процитирую его слова, ставшие знаменем для многих: «Что можно разбить, то и нужно разбивать, что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам, во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть».

В 1866 году происходит первое покушение на Александра II, царя-реформатора, совершенное Дмитрием Каракозовым и открывшее череду покушений и терактов. В 1881 году император гибнет от руки террориста. Хочу обратить ваше внимание на то обстоятельство, что год спустя после выстрела Каракозова, в 1867 году, состоялось первое «хождение в народ» нескольких сотен студентов, стремившихся поднять крестьянство на восстание. Эти их попытки потерпели крах, но вернувшиеся из «хождения» создали организацию, которая сделала политический террор единственным способом своей борьбы. Я говорю о «Народной воле». Всё это так же являлось предметом размышлений русских консерваторов.

Одной из значительных фигур пореформенной эпохи стал Михаил Никифорович Катков. Он был главным редактором «Московских ведомостей», выпускал журнал «Русский вестник». В начале 1860-х годов он полемизировал с журналом «Современник», который вносил нигилистические идеи в умы молодых людей. В получившей большую известность статье «К какой мы принадлежим партии» Катков формулирует охранительные начала. Он убежден, что прогресс есть «улучшение на основании существующего», что охранять надо не формы, а сами «зихдитель-

ные начала человеческой жизни». Катков пророчески предупреждает: «Вырвите с корнем монархическое начало... уничтожьте естественный аристократический элемент в обществе, и место его не останется пусто, оно будет занято или бюрократами, или демагогами, олигархией самого дурного свойства».

Поначалу Катков энергично поддерживал реформы Александра II. Он резко осудил польское восстание 1863–1864 годов, последовательно отстаивая национальные интересы России. Это восстание еще более укрепило Каткова в том, что радикальные идеи никогда не принесут блага и их нельзя использовать для переустройства России. Процитирую его яркое выступление на страницах «Московских ведомостей»: «В непосредственных исполнителях заключается корень зла, нужны такие люди, которые бы стояли на твердой почве, которые бы чувствовали потребности, которые отражают быт и намерения нашего народа». Михаил Никифорович верит в то, что у нас есть такие люди: «Богатства наши массою лежат в недрах и на поверхности нашей земли, нетронутые и неразработанные... Силы в нас много, так много, что вовсе не ценим и растрачиваем ее самым бессмысленным образом».

Но в конце 1860-х годов уверенность в необходимости реформ начинает гаснуть. Катков всё чаще выступает с резкой критикой реформ политических институтов. Он считает, что они не укрепляют, а подтачивают устои самодержавной монархии. Вот характерная цитата 1871 года: «Общество, привыкшее к мраку и духоте, было сразу охвачено свежим воздухом свободы. Вчерашние сны сегодня переходили в явь и гнали старый порядок... Людьюми овладевает состояние крайнего возбуждения, голова идет кругом, под ногами уходит земля... Растление человеческих душ начинается чуть ли не с первого лепета. На смену безбородым социалистам идут двенадцатилетние коммунисты».

В декабре 1886 года, за семь месяцев до своей кончины, Катков написал резкие и горькие слова, как бы подытожив свое мировоззрение: «Говорят, что Россия полностью лишена политической свободы, говорят, что хотя русским подданным и предоставлена законная гражданская свобода, но что они не имеют прав политических. Русские подданные имеют нечто большее, чем права политические, они имеют политические обязанности. Каждый из русских обязан стоять на страже прав верховной власти, заботиться о пользе государства, каждый не только имеет право принимать участие в государственной жизни и заботиться о ее пользе, но призывается к тому долгом верноподданного. Вот, на мой взгляд, наша конституция».

Этим он и определяет свою роль как политика. Допустить стихию, уничтожающую всё на своем пути, нельзя. Следует выдержать и поддержать то народное чувство, которое способствует укреплению российской государственности.

Еще один яркий пример российского консерватора – Константин Петрович Победоносцев, с которым связана вся отечественная история второй половины XIX века. Наверное, я не буду одинока, если скажу, что среди современников не было человека, который влиял бы на верховную власть более, чем Константин Петрович. Это был государственный деятель, публицист, правовед очень жестких бескомпро-

миссных убеждений. Он был воспитан в благочестивой семье, как он сам говорил, преданной царю, отечеству, очень трудолюбивой. Он – внук священника, одиннадцатый сын в семье профессора Московского университета. Его батюшка преподавал гражданское право. И он так же поначалу читал гражданское право в университете, но с 1861 года становится наставником великого князя Александра Александровича, будущего государя Александра III, который тогда еще, до кончины в 1865 году своего старшего брата Николая Александровича, не являлся наследником-цесаревичем.

Константин Петрович занимал все возможные в Российской империи посты. Он был сенатором, был членом Государственного совета, а с 1880 по 1905 год – бессменным обер-прокурором Святейшего Синода. Что происходит после 1 марта 1881 года? Царь-реформатор убит. Самое парадоксальное в нашей истории: государь возвращался в Зимний дворец, для того чтобы подписать указ о созыве Земского собора...

Впрочем, Победоносцев был против этого нововведения. Уже 6 марта он обращается к преемнику с письмом: «Если Вам будут петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступать так называемому общественному мнению, – о, ради Бога, не верьте, Ваше Величество, не слушайте. Это будет гибель России и Ваша, это для меня ясно как день. Безопасность Ваша этим не оградится, а еще уменьшится. Безумные злодеи, погубившие родителя Вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только рассвирепеют. Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбой с ними на живот и на смерть, железом и кровью. Хотя бы погибнуть в борьбе, лишь бы победить. Победить не трудно: до сих пор все хотели избегать борьбы и обманывали покойного государя, Вас, самих себя, всех и всё на свете, потому что то были не люди разума, силы и сердца, а дряблые евнухи и фокусники.

Нет, Ваше Величество: один только и есть верный, прямой путь – встать на ноги и начать, не засыпая ни на минуту, борьбу, самую святую, какая только бывала в России. Весь народ ждет Вашего властного на это решения и, как только почует державную волю, всё поднимется, всё оживится, и в воздухе посвежеет».

Александр III внимает советам наставника и 29 апреля 1881 года – это важно для истории российского консерватизма – объявляет о том, что решает сохранять полновластное самодержавие. Не случайно многие из противников Победоносцева назовут его идейным вдохновителем так называемой контрреформы. Еще раз повторю, Александр II был убит в день подписания указа о Земском соборе. Впоследствии указ этот не был подписан в немалой степени благодаря Константину Петровичу Победоносцеву. Он до конца оставался защитником самодержавия, но при этом неоднократно критиковал власть и весьма жестко. Власть, по Победоносцеву, бывает плохой, но без власти гораздо хуже, самодержавие же – это идеал, который вырабатывает тысячелетняя русская история. Доверие народа к правителям основано на вере, а также на простой уверенности в том, что и правительство имеет веру и действует соответственно ей. Государство обязано охранять общественную жизнь, используя при этом не только правовые механизмы. Основной механизм государ-

ственного воздействия – это власть. Она органична душевной природе человека – за потребностью взаимного общения глубоко таится потребность во власти, не только признанной держать всё под контролем, но и обеспечивать всеобщую справедливость.

Победоносцев считал, что функции контроля и обеспечения справедливости самодержавие может исполнять лучше западных либеральных институтов. Оппоненты Победоносцева никогда не упоминают о принципиальном элементе его политической философии. Победоносцев много писал о жертвенности власти, причем не только российской, а вообще государственной власти: «Если б они знали, что значит быть государственным человеком, они никогда бы не приняли на себя страшного звания: везде оно страшно, особенно у нас в России. Ведь это значит – не утешаться своим величием, не веселиться удобствами, а принести себя в жертву, которая сжигает человека, отдавать каждый час свой с утра и до ночи, быть в живом общении с живыми людьми, а не с бумагами только» (из письма наследнику-цесаревичу от 17 мая 1879 года).

Самодержавие – великое служение. Наши самодержцы готовились с рождения к своему предназначению. И ограничение деспотизма власти, по Победоносцеву, заключается не в народном представительстве, а в религиозной нравственной норме самого государя. Для меня как историка особенно важно, что за десять первых лет своего обер-прокурорства Победоносцев провел семнадцать религиозно-общественных акций общенародного значения – тысячелетие кончины святителя Мефодия, архиепископа Моравского, девятисотлетие крещения Руси, пятисотлетие кончины Сергия Радонежского...

Много внимания уделял он церковно-приходским школам. К 1917 году в России было свыше 30 тысяч таких школ. Победоносцев считал, что это надежное средство воспитания, потому что церковь близка народу, и, получая от нее знания, дети узнают свою страну, воспринимают ее как большую и справедливую семью. Вообще семья для Победоносцева священна, в ней он видел основу государства, с трепетом говорил о своей семье и считал, что семья – источник любви и верности старине.

И по сей день Победоносцев остается одним из столпов русского консерватизма, несмотря на скепсис его оппонентов, тогдашних и нынешних.

Почему я выбрала именно эти фигуры? Наверное, из-за того, что они являлись яркими представителями русской общественной мысли наряду с другим, более известным нашим современником. Последним, кого мне сегодня хотелось бы упомянуть, – Николай Александрович Бердяев, которого консерватором, конечно, назвать нельзя. Думаю, Леонид Владимирович (Поляков. – *Ред.*) будет о нем говорить. Именно пятое письмо Бердяева о консерватизме приводилось в послании президента Федеральному Собранию. В марте исполняется 140 лет со дня его рождения. Он родился в Киеве. В иных обстоятельствах, конечно, там была бы проведена большая конференция, общественные чтения в честь этой годовщины. Но нынешние события на Украине тому препятствуют. Поэтому единственное собрание, которое будет, состоится семнадцатого марта в Институте философии Российской Академии наук. Завтра директор этого института академик Гусейнов будет здесь, с нами.

В чем наследие Николая Александровича Бердяева созвучно тем людям, о которых я сегодня говорила? Неприятием той разрушительной силы революционного радикализма, о которой говорил выступавший до меня Дмитрий Константинович (Киселев. – *Ред.*). Я не буду вновь приводить те слова, которые были в послании. Напомню другие слова Бердяева: «Печать поверхностности лежит на всех революционных идеологиях. Консерватизм же имеет духовную глубину, он обращен к древним истокам жизни, он связывает себя с корнями. Он верит в существование нетленной и неистребимой глубины. У великих гениев и творцов был этот консерватизм глубины. Никогда не могли они держаться на революционной поверхности». По мнению Бердяева, без консервативных сил невозможно нормальное, здоровое существование и развитие общества. Консерватизм поддерживает связь времен. Консерватизм не даст возможности построить рай на земле, но он бережет от ада на земле – это то, о чем говорил Николай Александрович Бердяев.

Завершаю выступление извечным вопросом: как быть? куда идти? Ответить на него сегодня невозможно без обретения консервативной интеллектуальной стратегии. Это прежде всего уважение отечественных культурных традиций, которые скрепляют ткань нашего бытия, сообщают нам историческую целостность и преемство. Консерватизм во всех его формах – правовой, религиозной, политической – актуален сегодня более, чем в XIX веке. Нам есть что сохранять, и мы должны это сделать. Консервативная позиция должна присутствовать в нашем общественном сознании, в нашей жизни.

Так получилось, что в современном русском языке слово «консерватизм» обрело негативный оттенок. Нас учили, что Николай I – это «Николай Палкин», который подавил революционное движение в 1848 году. Нам никто не рассказывал, что он был верен тем актам Священного союза, которые принимал его брат Александр I. Нам внушали, что консерватизм есть нечто закостенелое. Бердяев говорил в связи с этим, что есть понятие замерзания, которое может называться закостенелостью, а есть понятие консерватизма, которое основывается на глубинных исторических ценностях. Не знаю, согласитесь ли вы со мной, но мне представляется, что консерватизму, ассоциируемому нами с традиционными ценностями, должно быть сегодня предпослано некое прилагательное, указывающее на позитивность.

О.Х. Авдыш. Здесь имеет место пересечение психологии и традиции. Современная психология говорит, что все основные интроекты мы получаем до двенадцати лет, то есть в семье и в начальной школе.

О.Ю. Васильева. Абсолютно с вами согласна. Наверное, вы как психолог подтвердите мой непрофессиональный тезис о том, что мы два поколения потеряли, ведь поколенческая основа это двенадцать и двенадцать лет. Теперь нам важно не потерять следующие поколения. В этом направлении многое делается. Возможно, вы читали, – в «Известиях» были разумные статьи, посвященные экспертной оценке учебников. Надеюсь, с вашим участием, потому что прежде всего Народный фронт должен контролировать выполнение декабрьских поручений. Здесь важно, что мы работаем вместе с Любовью Николаевной Духаниной и тем направлением Народного фронта, которое отвечает за образование и культуру. Мне представляется, что и господин Мединский должен плотнее общаться с Народным фронтом, потому что информационное поле, прежде всего интернет-ресурсы, нам отследить очень сложно. Здесь очень многое зависит от родителей. Но, к сожалению, это те самые родители, которым сейчас по тридцать лет с небольшим.

О.А. Каштанов. Я поставил на поиск в Яндексе понятие «консерватизм», и первое, что выходит, это определение из Большой советской энциклопедии: консерватизм – это приверженность всему устаревшему и т.д., и т.п.

О.Ю. Васильева. Это для нас не новость, поэтому и беседа наша сегодня носит такой полуакадемический характер. Многое зависит и от вашей деятельности. Если мы сейчас будем «вбрасывать» в общественное

сознание хорошие выступления, хорошие «круглые столы», хорошие передачи... И, может быть, появится то прилагательное, над которым стоит подумать всем нам, потому что стереотипы восприятия слов очень устойчивы.

О.А. Каштанов. Я изучал историю на историческом факультете, и, действительно, консерватизм нам толковали как что-то антипрогрессивное.

С.П. Локтионов. Знакомы ли вы с манифестом просвещенного консерватизма Михалкова?

О.Ю. Васильева. Прилагательное «просвещенный» предполагает наличие и некоего непросвещенного консерватизма. Соответственно, возникает вопрос... Это ведь уже третья с 1991 года попытка вернуться к консервативным основам, пока морально-этическим, не политическим.

С.П. Локтионов. Уверен, что во всех областях есть какие-то русские лаборатории, русские школы, которые занимаются этим. Вот, допустим, у нас в Курске уже давно, с 1996 года, существует лаборатория русской школы при педагогическом университете. Именно в ней в том же 1996 году было принято решение впервые в России об изучении православной культуры. Именно в Курске это возникло и потом пошло по всей России. Проводились эксперименты, и сейчас в Курской области почти 98% родителей выбрали изучение этого предмета. Во всех школах он преподается не в четвертом классе, как это принято, а с первого по одиннадцатый.

О.Ю. Васильева. Таких регионов, как ваш, двадцать два, где подобная практика существует, очень хорошая, надежная практика. Никогда не следует забывать о том, что мы как огромное государство

формировались как многонациональное и многоконфессиональное. У нас есть регионы, где 92% изучают основы исламской культуры, в Калмыкии – основы буддистской культуры. Русская культура, которая впитала всё лучшее из культур других народов, является мировоззренческим стержнем для всех живущих в нашей стране.

С.П. Локтионов. Я хотел сказать не о том проекте. Содружество православной молодежи – это отдельная тема, я о ней сейчас не хочу поднимать вопрос. Хотел сказать о другом – о том, что в каждом регионе есть подобные инициативы.

Вот я сейчас вернулся из Австралии. Был там десять дней по приглашению Зарубежной церкви по случаю 90-летия первого построенного в Австралии православного храма. Меня интересовал вопрос: как за все эти десятилетия они смогли сохранить себя? Мы затронули эту тему в русской школе в Брисбене. Было, наверное, человек семьдесят... Они в очередной раз повторили, что за эти десятилетия, переезжая в Китай, уезжая в Австралию, Южную Америку, возвращаясь из Америки обратно в Австралию, они смогли сохранить два важных качества. Разводов у них почти нет. Живут они долго, дружат между собой, знают русский язык очень хорошо, традиции знают, танцы, песни и так далее. Я всего этого не знаю, как они. Причем ни разу в России не были. И вот я думаю: ведь есть уже эта практика – практика выживания.

Так вот, у меня дети ходят в Православную гимназию, трое сыновей. Если начинается Великий пост, мы телевизор не смотрим. Если нужно воздержаться от вечерних мероприятий – нет проблем, и дети согласны с этим. У меня дети любят армию, они хотят идти в армию, они мечтают, кем стать. Мы порой даже запрещаем

использовать мобильные телефоны. Меня многие критикуют – говорят, зачем ты это делаешь, ребятам не даешь жить. Но они сами хотят этого. Они в воскресенье по утрам не спят, идут в храм и молятся. И существует много подобных примеров.

О.Ю. Васильева. Чего не должно быть, по моему мнению, как педагога с многолетним опытом? Сейчас страшное время, понятия добра и зла размыты. Как человек верующий вы это понимаете. Молодой человек живет в мире, в котором нет ясности. Мы с вами можем определять, что хорошо – этому нас учили с самого рождения, у нас есть опыт. Сейчас же получается, что родители, которых они имеют, из того самого поколения 1990-х. В первый год, когда были введены основы православной культуры и светской этики, у нас очень многие выбрали именно основы светской этики. Когда провели исследование, оказалось, что молодые родители, которым по двадцать девять – тридцать лет, считают, что это основы этикета. У них и мысли не было, что этика – это не этикет. У нас резко упал уровень образования, его надо поднимать, причем во всех сферах жизни.

Поэтому очень важно, что у нас есть такие общественные движения, причем с пассионарными лидерами. Это залог того, что результаты будут. Не сразу. Работа в гуманитарной сфере не дает скорых результатов.

С.П. Локтионов. В нашей структуре имеет место явное притеснение духовной культуры. Это было три года назад. До того, как мы с Никитой Сергеевичем Михалковым отстояли и забрали себе один из самых больших кинотеатров в Курске, памятник федерального значения. Это театральное здание возведено еще во времена Щепкина. Мы создали там Киноцентр духовной культуры. И только спустя три года, при постоянной работе, разъяснении, мы

начинаем понимать, что школьников начали интересовать история, патриотизм. Люди перестали заходить просто так. Мы единственные пока в России, больше такого нигде нет. В Союзе кинематографистов хотят рассмотреть вопрос о том, чтобы таких кинозалов было как можно больше.

И еще такой вопрос. Вы верите, что будет создана платформа, которая будет принята у нас в России, что народ примет и пойдет по этому пути?

О.Ю. Васильева. Спасибо за этот вопрос. Отвечу коротко и, наверное, постараюсь вас убедить. Без стратегии нам двигаться сложно. Это первое.

Второе. Время собирать камни уже пришло, пришло давно. Движение вперед необходимо. Я верю. Если бы я не верила, я здесь сейчас не находилась

бы. Я только два года как чиновник, до этого у меня была совершенно другая жизнь – заведовала кафедрой, занималась наукой, преподаванием, всё было хорошо. В смысле – в тогдашней моей жизни.

Я верю: то, что мы делаем – правильно. Конечно, будет сложно, потому что любая деятельность должна носить системный характер. Если есть хорошие школы, их опыт надо применять по всей стране, сделать системным. Вот первая ласточка – как бы ко мне мои коллеги ни относились – единая концепция преподавания истории России, от Калининграда до Владивостока. Учитель может в углубленной версии акцентировать те или иные тенденции и позиции. Но не должно быть так, что генерал Власов является защитником и борцом, а о генерале Карбышеве школьники даже не имеют понятия.